

Приложение II

Князь
Петр Борисович
Козловский

Здесь мы публикуем неизвестную эпистолу князя Петра Борисовича Козловского (1783—1840) к князю Куракину¹. Личность князя Козловского, одного из «умнейших и образованнейших» персонажей первой половины XIX столетия, уже рассматривалась многими исследователями. Общение князя Куракина с князем Козловским, ко времени которого и относится публикуемое стихотворное послание, является наименее изученным периодом биографии князя Петра Борисовича. Покровительство, оказанное ему князем Куракиным, либо вовсе не отмечается или отмечается вскользь, либо описывающие это строки противно читать (напр., в кн. В. Я. Френкеля «Петр Борисович Козловский» Л. 1978). А между тем князь Александр Борисович умел выбирать умных и талантливых молодых людей, которым покровительствовал, и совершенно при этом не пытался, приручив, оставить при себе, а, напротив, старался всеми силами ускорить их продвижение по службе. Среди них и барон Егор Энгельгардт, в будущем директор Царскосельского лицея, и Дмитрий Бантыш-Каменский, выдающийся историк, и многие другие. К ним же относится и князь Петр Борисович Козловский — легендарный «русский европеец».

6 января 1801 года князь Козловский был определен камер-юнкером на службу в Коллегию иностранных дел, а 14 числа был причислен к Московскому архиву Коллегии. Неизвестно, когда разглядел его князь Куракин, но в сентябре 1801 года, когда князь Куракин, как и все высшие чины, поехал со двором в Москву на коронацию Александра I, он пригласил семнадцатилетнего князя Петра Борисовича на великолепный бал, который давал в своем дворце на Басманной 28 сентября 1801 года. Там присутствовал и государь, которому, скорее всего, впервые в жизни был представлен князь Козловский. По случаю бала князь Петр Борисович написал стихи, которые в начале октября уже были напечатаны: «Стихи на польской игранный в день высочайшего присутствия его императорского высочества государя императора Александра I на бале в доме господина вице-канцлера князя Александра Борисовича Куракина 28 сентября 1801 года» (М., 1801).

Князь Куракин решил взять его в Петербург. 9 октября 1801 года князь Козловский подает прошение о переводе из Москвы в Петербург в Коллегию, которое и было удовлетворено 13 числа. В конце 1801 года он переехал в Петербург, где поселился в доме князя Куракина и состоял при его особе. Уже в начале весны он приступил к своим обязанностям, причем князь Куракин старался его достойно ввести в высший свет, усмотрев таланты молодого князя. Именно об этом периоде — примерно с февраля по июль 1802 году — князь Козловский в публикуемом стихотворении говорит: «И полгода прекрасно жил». В то время князь Петр Борисович был ослеплен придворной жизнью и почти бредил ею (см. Записки Ф. Вигеля. М, 1928. Т. 1. С. 161–162).

В августе 1802 года князь Куракин заболел, а к его выздоровлению князь Козловский написал стихотворение, в том же году преданное печати: «Его Сиятельству Князю Александру Борисовичу Куракину. Стихи на выздоровление благодетеля» (Спб., 1802). Эпиграфом к этому стихотворению была избрана французская цитата из Руссо.

Стоит опять же отдать должное князю Куракину, который уходя в отставку (именной указ был подписан 5 сентября 1802 года), подал государю представление о повышении в чинах ближайших своих сотрудников. Из шести человек, за которых хлопотал князь, один был его

сын барон Александр Сердобин, а самым младшим был восемнадцатилетний князь Козловский. Седьмого сентября 1802 года Александр I подписал именной указ, где «во уважение засвидетельствования вице-канцлера, действительного тайного советника, князя Куракина, об усердной службе и отличном прилежании находившихся при его канцелярии чиновников» юнкер Коллегии иностранных дел князь Петр Козловский был пожалован в переводчики.

Отставка князя Куракина была для князя Петра Борисовича безрадостным событием, хотя тот не забыл о своем помощнике: не без его участия князь Козловский был 24 марта 1803 года причислен к русской миссии при сардинском дворе. А позже князь протезировал ему уже через своего троюродного брата — канцлера графа Николая Петровича Румянцева.

Считаем не лишним привести здесь мнение князя П. А. Вяземского по поводу двух стихотворений князя Петра Борисовича — «Чувствование россиянина при чтении милостивых манифестов, изданных его императорским величеством Александром I-м 1801 апреля во 2-й день» (М, 1801) и упомянутого выше «На исцеление...». Эти слова, как кажется, могут с успехом относиться и к публикуемому посланию:

«Опять покаемся в мягкосердечной слабости своей: мы с удовольствием прочитали стихотворения Козловского, хотя далеко не отличаются они ни поэтическим вдохновением, ни даже художественною отделкою. Но они замечательны, но они нравятся нам по чувству, по духу, которое возбудило их, по некоторым мыслям, которые они выразили. Смешно признаться, нравится нам и эпиграф, приложенный к стихам, посвященным князю Куракину. Нравится нам сей эпиграф и потому, что признаем его искренним предисловием, сказанным автором; верною вывескою того, что он чувствовал. Мы убеждены, что не лезть и не низкопоклонство водили пером его; мы убеждены, что одно простосердечие, одна признательность внушили ему эти стихи. Наши убеждения подкрепляются и оправдываются тем, что и позднее, среди соблазна света, среди испытаний жизни, Козловский до конца сохранил это свежее благоухание простосердечия. От этих стихов, от эпиграфа, заимствованного у Ж. Ж. Руссо, так и веет на душу кроткое и сладостное ощущение. Нам приятно находить в Козловском, в этом

отъявленном либерале, эти чувства, эту простоту, которые ныне заклеймили пошлостью» (Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Т. VII. Спб. 1882. С.233–234).

Из стихотворений князя Козловского, которыми он почтил своего покровителя, до настоящего времени были известны только два печатных, указанные выше. Во время просмотра бумаг князя Куракина в деле под данным им самим названием «Всячина по делам второго министерства» (1801–1802 годы) нашелся сложенный вдвое лист с неизвестным стихотворным посланием князя Петра Борисовича. Это стихотворение не датировано, но относится оно, судя по всему, к сентябрю-октябрю 1802 года. Если в прошлом стихотворении на выздоровление князя стихотворец взял эпитафией французскую цитату из Руссо, то здесь он также дает французскую цитату, но уже из самого князя, прекрасно этим языком владевшего, где князь цитирует произнесенные в его адрес слова Болингброка, по поводу которых мы хотели бы высказать несколько соображений.

Во время своего путешествия по Европе две страны тронули сердце молодого князя Куракина — то были Франция и Англия. И хотя довольно часто и много говорится о французофильстве князя Александра Борисовича, особенно в связи с его пребыванием послом в Париже, пребывание в Англии в конце 1772 — начале 1773 года оставило неизгладимый след. Конечно, этому впечатлению способствовал и прекрасный прием, оказанный князю русским посланником графом Алексеем Семеновичем Мусиным-Пушкиным, но он только усилил чувствования князя. Тогдашнее впечатление как нельзя лучше отражают строки из его письма к графу Н. И. Панину: «Критиковать англичан — значит их не знать; они достойны уважения и почтения всякого здравомыслящего человека. Если за ними и водятся некоторые странности, то они вполне выкупаются блеском их великих качеств»².

Знакомство князя с виконтом Болингброком произошло в Англии, когда граф Мусин-Пушкин сводил 21 января 1773 года молодого князя Куракина на открытие сессии Парламента. Конечно знакомцем князя был не знаменитый Генри Сент-Джон, пожалованный в 1712 году

титолом виконта Болингброка (1678–1751), а его сын — Фредерик Сент-Джон, второй виконт Болингброк (1734–1787). Происходивший из старинной дворянской семьи, второй Болингброк по семейной традиции занял место в Палате общин; куда традиционно избирались члены семьи Сент-Джонов для представления родового бурга Вутон-Бассет (Беркшир); как и отец, он был тори по своим политическим убеждениям. Судя по всему, произведенное Болингброком на князя Куракина впечатление было колоссальным, если и много лет спустя князь Куракин так отзывался о нем.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 983. Лл. 118–119об. Автограф. Перевод эпитафии выполнен В. А. Мильчиной.

² ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Нов. Е.х. 904. Л. 365. Без даты, оригинал по-французски.

Стихи
Его Сиятельству
Князь Александру Борисовичу
Куракину.

«Oui, mon cher ami, dans ma jeunesse Mylord Bolingbroke m'accueillit; c'ytait un homme comme il n'y en a point et c'est lui qui m'a prouvé que dans de grandes maisons, il y a quelquefois de grandes vmes; je m'en rappellerai toute ma vie, mes premiers jours dans le monde ytaients beaux, j'ai peut-ktre connu le bonheur, mais pourquoi l'avoir connu quand il devait se passer si vite!»

[«Да, любезный друг, в молодости принял меня милорд Болингброк; то был человек, каких мало, он-то и доказал мне, что порой великая знатность великой душе не помеха; помнить о сем буду я всю мою жизнь; первые дни мои в свете были прекрасны; пожалуй, узнал я счастье, но зачем же узнал, коли суждено мне было так скоро его лишиться!»]

Был добрый человек на свете,
Любил всех пламенной душой,
У счастья не был на примете
И прожил — с нищенской клюкой.
Он в младости, в странах далеких
Нашел и друга и отца,
Узнал что и в домах высоких
Еще есть нежные сердца!..

Узнал — и дни его светлее
По лугу жизни потекли,
Все чувства стали в нем живее,
Все мысли в счастье расцвели;
Не долго бедный наслаждался
Приятной, сладостной мечтой,
Он с другом и отцем расстался
И в свет опять пошел с сумой.

Со вздохом горьким, со слезами
О прежней жизни вспоминал,
Один, один под облаками
Покрова тщетно он искал:
«За чем я в горе не жил вечно,
Сказал от сердца своего,
«Когда так счастье коротечно,
«За чем-же было знать его?» —

Так я вздохнул когда с тобою
Разстался, нежный человек!
Ты благодетельной рукою
Украсил в младости мой век.
В годах неопытных, незрелых
Вошел я в общество людей,
Средь пиршеств шумных и веселых
Я грусть носил в душе своей.

Когда-же под своим покровом
Меня ты к счастью приучил,
Я все увидел в блеске новом
И полгода прекрасно жил;
Но быстро время пролетело:
Сего дня счастье расцвело,
Поблекло завтра, помертвело
И ветром цвет его снесло!

Осталось лишь — воспоминанье,
Источник радости и слез,
О прежнем сладкое мечтанье,
В степи пустынной — призрак роз,
Последнее отрады чувство,
Последний в томном сердце жар!...
Тебе не лезть и не искусство,
Тебе оно приносит дар!

Прими его — он всех светее!
Хотя монархом ты почтен,
И что еще того славнее,
Любовью общей награжден;
Но больше ты себя прославил,
Свой большой скрасил в жизни путь:
Ты бедных по себе заставил
От сердца глубоко вздохнуть!

Великих, сильных истуканы
Времян удары сокрушат,
Властители миров пограны,
Уже давно о них молчат.
Во славе гордый и коварный
Минуту чтим, потом — забыт;
Но гений кроткой, благодарный
о добрых память Сохранит!...

К<нязь> П<етр> Козловской.

Приложение III

Алексей Данилович
Копьев

